

— Вот что, Алексей, вы у нас служите только неделю. Ещё с народом-то толком не познакомились, и нá тебе: такое большое, громкое дело. Угон трактора! Ох уж этот Лаврушка! Мужики без малого полтинник стукнуло, а он всё никак не унимается. Выпивает, хулиганит, выкидывает кренделя. Ни жены, ни детей, ни друзей. Да и работы постоянной тоже нет. Перебивается шабашками. Ты уж с ним будь строже. Про судимость не забывай. Короче, удачи тебе. Иди работай! — голос главы администрации громом прокатился по пустынным коридорам здания.

Иван Иванович, одиноко сидевший у кабинета участкового, покачал головой и грустно усмехнулся в жиденькие усики. В руках он теребил кепку, которая уже давным-давно утратила первоначальный фасон и цвет.

Наконец-то из кабинета главы администрации вышел ещё совсем молоденький парнишка, в новенькой, с иголки, форме, идеально пошитой к фигуре, и начищенных до блеска ботинках. Он грозно посмотрел на Ивана Ивановича, открыл дверь опорного пункта и, откашлявшись, строго сказал:

— Проходите, гражданин.

В кабинете было душно. Парень кивнул на стул, приглашая нарушителя присесть, распахнул окно. И напрасно. С улицы потянуло дымом. Лето в этом году выдалось жарким и засушливым. Местные телевидение и пресса неоднократно напоминали жителям района о предельной осторожности с огнём. Уже больше месяца сохранялась пожарная опасность четвёртого класса. И всё-таки Петровский лес загорелся. Жители деревни с большой тревогой наблюдали за разгулом стихийного бедствия. И были на то веские и весомые причины. Петровский лес находился в непосредственной близости от деревни. Лишь какие-то пятьсот метров отделяли опушки

соснового бора от крайних домов поселения, да и те были заросшими бурьяном и травой, которые под палящим солнцем высохли и являлись отличным проводником огня.

Участковый в сердцах выругался и захлопнул окно. Включил вентилятор, и тот лениво стал гонять жаркий воздух по небольшому кабинету. Китель парнишка не снимал, полагая, что он придаёт хоть какую-то солидность. Достал из сейфа бланки протоколов, сел за стол, внимательно глянул на нарушителя:

— Начнём, гражданин Лаврушка?! — что-то среднее между вопросом и констатацией факта произнёс он и стал заполнять бланк.

Иван Иванович казался безучастным к происходящему. Словно это не его задержали за нарушение правопорядка, не его сейчас будет допрашивать представитель внутренних органов.

— Ваше имя и отчество, — попросил Алексей.

— Лавров Иван Иванович.

— Лавров? — удивился участковый.

— Лавров, — подтвердил нарушитель и заглянул в протокол.

В графе «Фамилия» тот уже успел написать каллиграфическим почерком: «Лаврушка». Усмехнулся. Горько. Алексей в одно мгновение покраснел, испарина выступила на лице. Он торопливо достал носовой платок, утёрся, ослабил узелок галстука.

Прозвища деревенских мужиков давно уже плотно заменили фамилии. Даже сами старожилы иногда с трудом вспоминали настоящие фамилии, что уж говорить о новых жителях. Ведь прозвища, как и фамилии, передавались из поколения в поколение, от отца к сыну. Однако при этом менялось только звучание, но никак не суть. Жук — Жучок, Верста — Вершок, Купец — Купчишка, Чугун — Чугунок. Отец Иван Ивановича носил гордое прозвище — Лавр, а вот сыну досталось ласковое и уменьшительное, немного унизительно-оскорбительное — Лаврушка.

«Мне уже без малого полтинник. А я всё ещё Лаврушка. Кому смешно, а мне очень грустно. И ведь винить, кроме себя, и некого. Жизнь изначально не задалась и, по большому счёту, не удалась. Пустая какая-то жизнь получается. Прав глава. Ни жены, ни детей, ни друзей. Даже врагов — и тех не нашёл. И вспомнить на смертном одре мне будет совсем нечего», — размышлял про себя Лавров, наблюдая, как участковый постепенно приходит в себя. Взял чистый бланк протокола и аккуратно переписал все данные с паспорта, чтобы уж наверняка.

— Что же вы, гражданин Лавров, хулиганите? — спросил он, полностью справившись с волнением.

— Кто, я? — совсем по-детски, глупо как-то, спросил Лавров.

На что участковый покачал головой:

— Вот заявление от гражданина Купцова, из которого следует, что вы, гражданин Лавров, угнали у него трактор. Было?

— А спроси я его, так он и не дал бы. Купец славится у нас жадностью.

— Значит, факт угона подтверждаете? Так,— он снова глянул в заявление.— Когда вы вернули трактор, то набросились на гражданина Купцова с кулаками и нанесли ему тяжкие телесные повреждения. А это уже сто одиннадцатая статья УК. Лишили гражданина Купцова возможности участвовать на сеноуборочных работах. Он тут подсчитал, сколько потеряет денег, находясь на больничном листе. Что скажете, Лавров? Избивали Купцова?

Иван Иванович прикоснулся к разбитой брови:

— Обоюдно.

— Так он был вынужден защищаться,— Алексей ещё раз посмотрел в бумагу.— Ага, вот: защищаться от необоснованной и неуправляемой агрессии. Во даже как! Что на это скажете?

— Ничего.

— Ничего?

Рассуждения о собственной жизни породили полное равнодушие не только на дела текущие, но и перспективы завтрашнего дня.

— Мне всё равно,— Иван Иванович опустил седую голову и вновь затербил старую кепку.

На последующие вопросы участкового он отвечал интуитивно, не задумываясь ни над сутью самого вопроса, ни над возможными последствиями после своих ответов. Потом просто расписался в протоколе и вопросительно глянул на Алексея в ожидании дальнейших указаний.

— А теперь без протокола,— парнишка демонстративно убрал бланк в кожаную папку.— У вас уже была судимость?

— Она давно погашена.

— За что?

Лёгкая, ироничная улыбка коснулась губ Лаврова. Память тут же выдала яркую, сочную картинку из далёкого

прошлого. Увы, уже такое далёкое. Как же время скоротечно пожирает дни календаря!

Работал он тогда на тракторе «Беларусь». В тот зимний день ему предстояло поехать на дальнюю делянку и притащить вагончик, в котором жила бригада лесорубов. Мужики уже целую декаду безвылазно сидели на дальнем кордоне, выполняя план по лесозаготовкам. А теперь просто жаждали быстрее оказаться дома, с горячей банькой, сытым ужином и мягкой постелью. Солнце светило ярко и не по-зимнему тепло. Чистый покров кипенно-белого снега отражал его лучи так смачно, что становилось больно глазам. Даже пришлось отыскать в бардачке солнцезащитные очки. Когда Лавров подъехал к делянке, был уже полдень. Лесорубы сидели в вагончике и праздновали окончание трудовой вахты. На столе главенствовала трёхлитровая бутылка мутного самогона. К ней прилагались картошка, маринованные огурчики и грибочки, сало. А над всей этой роскошью плавал насыщенный дым от самокруток с крепкой махоркой. От стакана самогона, выпитого на голодный желудок, сразу же закружилась голова, в ушах зашумело, ноги стали ватными. Лаврушка поспешил на улицу. Глубоко вдыхая морозный, чистый воздух, он немного пришёл в себя. Покурил. Заглянул в вагончик и, перекрикивая орущее радио, сообщил:

— Вы отдыхайте, мужики. Сейчас зацеплю ваш вагончик, и с ветерком покатым до хаты.

Сказано — сделано. Прицепил, залез в «Беларусь», дёрнул. Вагончик даже не шелохнулся.

— Колёса вмёрзли, что ли? — пробурчал Лаврушка и повторил попытку.

Только после третьего рывка вагончик наконец-то пришёл в движение.

— Порядок. Поехали!!!

Он только иногда бросал взгляд через плечо. Видел, что праздник у лесорубов перешёл в окончательную стадию. А именно — к танцам. Суровые мужики яростно танцевали, подпрыгивали и отчаянно махали руками. И лишь в деревне Лаврушка вдруг понял причину этих судорожных телодвижений, которые он и принял за танцы пьяных мужиков. Оказалось, что вагончик он прицепил не за платформу с колёсами, а за металлический каркас. И оторвал его, потащил волоком по зимней дороге. Вот мужики и бежали внутри

каркаса, пытаясь жестами привлечь его внимание. Устали так, что не хватило сил, чтобы набросится на горе-тракториста с кулаками. Иначе было бы Лаврушке проблематично избежать тяжких побоев и больничной палаты.

— Хулиганство,— просто ответил Иван Иванович, не вдаваясь в подробности.

— Опять хулиганство,— покачал головой участковый.— Рецидив получается. Ладно. Можете быть свободным. Пока. Надеюсь, никуда не сбежите?

— Некуда бежать-то,— с грустью в голосе ответил Лавров.

Ветер успел сменить направление и гнал дым лесного пожара от деревни. Стало значительно легче дышать, но не более того. Тревога не унималась. По дороге промчались две пожарные машины, поднимая клубы мелкой пыли. На улице было пустынно, что не могло не радовать Лаврова. Как никогда раньше, ему сейчас не хотелось ни с кем встречаться. По сложившейся традиции, он по пути домой зашёл в местный магазин. Хорошо, что, кроме продавщицы Веры, и здесь никого не было. И, видимо, давно. Вера даже заскучала без общения. Увидев посетителя, ожила. Начала говорить без остановки, задавать вопросы, на которые и не ждала ответов.

— А ты молодец, Лаврушка. Уважаю. Поступил как настоящий мужик! Хотя и получил от Купца, я вижу, по первое число. Но что тут поделать? Бог ума не дал, а вот силой не обидел. Да и жадностью наградил сполна. Но за правое дело и пострадать можно. Хотя и обидно. А что наш молоденький, безусый участковый сказал? — наконец-то она сделала небольшую передышку, чтобы вдохнуть больше воздуха для продолжения.

Но тут же и заметила, что Лавров не горит желанием вести беседу. Он всегда был неохоч до бесед и компаний. А теперь, находясь в подавленном состоянии, вообще лишь кивком головы попросил его отоварить.

— Как обычно? — Вера тут же сменила тон.

Был дружелюбный, стал усталый, раздражённый, была готова сорваться на полное пренебрежение к покупателю.

— Да,— тихо обронил Лавров и высыпал на прилавок горсть монет и смятые купюры.

Вера, не пересчитывая мелочь, стряхнула деньги в коробку и поставила перед ним чекушку водки и пакет молока.

Лавров, не прощаясь, покинул магазин.

Вечер принёс долгожданную прохладу. Над деревней повисло чёрное небо с беспорядочной россыпью звёзд. По улицам «гуляла» тишина, которую изредка нарушал собачий лай.

Лавров вышел на крыльцо с пакетом молока. Присел на последнюю ступеньку, из-под которой достал старую чугунную сковороду. Вылил в неё молоко, глянул на часы.

— Время ужинать, — громко произнёс он, а сам замер.

Вскоре по дощатому тротуару послышался топот шагов, и через мгновение из темноты показалась мордочка. Ёжик, большой такой, размером с баскетбольный мяч. Он уже не боялся человека, подкармливающего его каждый вечер, поэтому сразу прошлёпал к сковороде. Фыркнул громко пару раз и принялся смачно лакать тёплое молоко. Иван Иванович тихо наблюдал за ним, и счастливая, едва приметная улыбка блуждала на его лице. Скрипнула калитка, и вновь послышались шаги. То был человек. Ёжик тотчас бросил трапезничать, свернулся в клубок, грозно ощетинив колючки. Участковый, а это был он, осторожно обошёл ёжика и присел рядом с Лавровым. Молчал. Молчали оба, пока ёжик не успокоился и снова не принялся пить молоко.

— Что же вы, Иван Иванович, мне сразу не сказали, с какой целью угнали трактор? — тихо, вполголоса, поинтересовался Алексей.

Лавров ничего не ответил, даже плечами не повёл.

— Вы же, по большому счёту, уберегли деревню от стихийного бедствия, вспахав противопожарную полосу между Петровским лесом и жилыми домами.

— А разве это что-то меняет? — в такой же тональности ответил Лавров. — Хулиганство же было?

— Было, — не мог не согласиться с ним участковый и грустнел. — Какая-то неразрешимая дилемма получается. Всем сделали хорошо, но закон при этом нарушили. Хулиганство как следствие героического поступка. Вот такая ситуация. И что теперь? — он словно искал выход, спрашивая совета у Лаврова.

— Наша жизнь вообще — парадоксальная история, — грустно усмехнулся Иван Иванович.

— Печалька, — вздохнул Алексей.